

АРХИВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**ПОСОЛЬСТВО УКРАИНЫ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

**КАЗАХСТАН – УКРАИНА:
ДОРОГИ И ПЕРЕКРЕСТКИ**

1917–2008 гг.

(Сборник воспоминаний и документов)

**Алматы
2009**

ББК 633 (5 Каз) + 63.3 (2Ук)
К 14

Редакционная коллегия: З. С. Айдарбеков, Н. Ф. Селивон, В. Н. Шепель

Составительский коллектив: Ж. М. Асенова, Е. М. Грибанова (ответ.),
Е. В. Чиликова

Рецензент А. Т. Капаева, доктор исторических наук

К14 Казахстан – Украина: дороги и перекрестки. 1917–2008 гг. Сборник воспоминаний и документов – Алматы: Print Express, 2009. 320 с.+ 26 с. вкл.

ISBN 9965-32-818-8

В опубликованных в сборнике документах представлена повседневная жизнь рядовых жителей Украины – Казахстана в конце XIX в. – начале XXI в. По воспоминаниям, автобиографиям и некоторым другим документам можно проследить как грандиозные политические события отразились на судьбах простых людей.

К $\frac{0503020905}{00(05) - 09}$

ББК 633 (5 Каз) + 63.3 (2Ук)

ISBN 9965-32-818-8

© Архив Президента Республики Казахстан, 2009

© Посольство Украины в Республике Казахстан, 2009

Содержание

Вступительное слово	4
Предисловие.....	7
1. Б. Тризна «... Всегда и всюду стремиться к разрешению великой задачи воплощения правды и справедливости в человеческих отношениях...».....	13
2. И. Мариковский «Я ... заурядный учитель...».....	20
3. И. Караташ Моя школа – школа моего класса и моего времени.....	64
4. Ф. Калюта «... Жизнь на новом месте».....	74
5. Г. Нечитайло Дорогой испытаний и надежд.....	82
6. Н. Найбургер «... Сумую я сердцем в горах Казахстану».....	98
7. М. Даниленко «Стерегли нас как золото, а ценили как г...».....	108
8. Е. Михненко «Продлить срок ссылки Михненко Елене Нестеровне оснований не имеется»	118
9. Б. Байкадамова «... Члены нашей семьи оставили заметный след в истории...».....	126
10. Д.-Б. Каралдина Незабываемые годы и забываемые люди.....	132
11. А. Долгенко «В землянке, построенной дедом, мы выросли».....	138
12. Б. Макаренко Вся жизнь – в труде.....	144
13. М. Грибанов «Трудности и сложные условия можно было преодолеть только сообща...».....	175
14. Л. Туреханова «В нашей семье говорят на трех языках: украинском, казахском, русском».....	210
15. А. Ковшарь «Я не эмигрант! Просто ехал поработать в Тянь-Шане...».....	219
16. П. Крепак «На вызов времени необходимо было реагировать продуманными акциями...».....	231
Примечания.....	263
Именной указатель.....	288
Перечень опубликованных фотографий.....	306
Түйін.....	310
Резюме.....	313
Summary.....	316

Вступительное слово

История как наука, к сожалению, в угоду сиюминутных политических мотивов часто становится заложницей правящего режима, подменяя и извращая реальные факты. Но они, как известно, упрямая вещь, и со временем все тайное становится явным. И в этом величайшая заслуга архивистов, которые исполняют свой долг, собирая и бережно храня документы, а также активно вводят их в научный оборот, помогая в постижении подлинной истории.

В свое время Фридрих Ницше сказал: «Только тот, кто строит будущее, имеет право быть судьей прошлого». Уже семнадцать лет Украина и Казахстан строят независимые государства, строят свое будущее, являясь наследниками совместного, порой хорошего, а порой трагичного советского прошлого. Мы вправе оценивать свою историю, чтобы не делать роковых ошибок в будущем. И в этом свою помощь окажет сборник документов «Казахстан – Украина: дороги и перекрестки», который вы сейчас держите в руках.

Большинство опубликованных в нем историй напомнили мне мою собственную биографию. Перед глазами вновь и вновь возникали картины моего нелегкого послевоенного детства, годы не всегда сытой студенческой жизни, первые шаги по карьерной лестнице. По моему глубокому убеждению, этот сборник воспоминаний является ярким подтверждением того, что только каждодневный труд, непоколебимое движение к поставленной цели, упорное преодоление всех возникающих препятствий могут дать человеку то, что он желает, то, к чему он стремится.

В этой книге воссозданы образы удивительных людей, живших в различные эпохи. Мы можем увидеть кропотливый труд простых украинцев ради куска хлеба на фоне живописных уголков Украины XIX века, невзгоды, с которыми встретились украинские переселенцы на благодатной земле Казахстана в поисках

лучшей доли, подвиг советских людей во время сталинских репрессий, Великой Отечественной войны и массовой эвакуации, послевоенного возрождения, периода индустриализации и поднятия целины. Вместе с тем, публикуемые мемуары отражают не только и не столько историю советского народа, но, прежде всего, историю украинской диаспоры в Казахстане.

Многие страницы сборника вызывают искреннюю боль и горечь. Наши народы в эти тяжелые времена понесли колоссальные жертвы, тысячи человеческих судеб были изломанны. Порой на читателя веет холодом сталинских застенков. Но большинство строк дают мощную струю свежего воздуха и вселяют надежду: мы сможем преодолеть все препятствия несмотря ни на что, сохранить веру в лучшее будущее, приложив все усилия для его достижения на благо наших детей и внуков.

Я постоянно изучаю историю Украины и Казахстана, но и для меня в этом сборнике открылось много новых фактов. С огромным интересом узнал об удивительном переплетении судеб выдающегося генерала И. Панфилова и великого украинского поэта и мыслителя Т. Шевченко, которого помнят и почитают как в нашей стране, так и в Казахстане. Их гены соединились с генами известной казахской семьи Каралдиных – Байкадамовых, проявившись в талантливых потомках. Узнал о годах, проведенных в Алма-Ате в эвакуации известным украинским композитором М. Скорульским, о том, что в АЛЖИР была сослана почти вся труппа Харьковского оперного театра.

Книгу от начала и до конца пронизывает чувство теплоты и радушия. Казахи многократно продемонстрировали украинцам готовность поделиться последним, дать кров и новую семью людям, оказавшимся в силу сложных перипетий жизни оторванными от своего дома, своих близких. Публикуемые документы представляют возможность проследить благодатные истоки дружбы между братскими украинским и казахским народами, которую мы считаем аксиомой наших отношений.

Уверен, что данный сборник даст ныне живущим и в особенности молодому поколению, для которых нынешнее благополучие, достаток, соблюдение демократических принципов и прав человека, стали само собой разумеющимися, которые не всегда связывают сегодняшние блага с ужасами и лишениями, выпавшими на долю их дедов и отцов, богатую пищу для размышлений. В этой книге они найдут многочисленные примеры мужества, самоотверженности и целеустремленности их предков.

В завершение выражаю глубокую благодарность директору Архива Президента Республики Казахстан В. Н. Шепелю и группе сотрудников во главе с заместителем директора З. С. Айдарбековым, которые в рамках проведения Года Украины в Казахстане организовали издание этого сборника. Хочу также высказать признательность директору представительства компании “ЕРИ Трейдинг энд Инвесментс КО. Лиметед” П. Киршнеру Республики Кипр в Украине за финансовую поддержку, что дало возможность воплотить этот проект в жизнь.

Уверен, что публикация таких материалов приоткроет малоизвестные страницы нашей совместной истории, позволит лучше узнать друг друга и послужит еще большему укреплению дружбы между нашими братскими народами.

*Н. Ф. Селивон,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины
в Республике Казахстан*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основой дружбы разных народов, живущих на одной земле, всегда была общность дел и судеб, которые, в свою очередь, порождали желание знать друг о друге как можно больше. В связи с этим и возникла прекрасная традиция проводить дни и декады культуры одной страны или народа в другой. Продолжением такой традиции является проведение в 2008 г. в Казахстане Года Украины.

Республика Казахстан – многонациональная страна. Ее население составляют 15 396 878 человек, из которых 440 507, или 2,86 % – этнические украинцы.^{1*} Причины их появления в столь отдаленном от Украины регионе разнообразны и являются следствием многих исторических процессов, так как обе страны длительное время были частью Российской империи – Советского Союза.

Изучая историю появления славян на территории Казахстана, современные исследователи выделяют этапы военно-казачьей и крестьянской колонизации Казахстана XVIII в. – первой четверти XIX в. и крестьянские переселения XIX в.^{2*} Сложно точно установить, когда в Казахстан прибыли первые украинцы и кем они были. Скорее всего, казаками разрушенной Запорожской Сечи. Позже в Казахстане появилось крестьянство и отдельные представители демократически настроенной интеллигенции, высланные на окраину империи. Подсчитано, что в XIX в. в составе украинских переселенцев абсолютно доминировали крестьяне (86,9 %), было 7,3 % мещан и 5,2 % казаков.^{2*} Такое соотношение вполне объяснимо: после отмены крепостного права крестьяне отправились на «не занятые» земли (так воспринимала Степной край царская администрация). Столыпинская аграрная реформа, в ходе которой была разрешена продажа сельхозугодий тем, кто их обрабатывал, получение кредитов через специальный земельный банк, активизировала миграционные процессы.

Следующий крупный прилив славянского населения вызван рядом событий, следовавших друг за другом: первой мировой войной, свержением монархии, установлением власти сначала Временного, затем Советского правительств и гражданской войной. Событиями мирового масштаба огромные массы людей были лишены привычного уклада жизни, теряли семейные связи и оказались заброшенными далеко от родных мест туда, где, казалось, они были востребованы и могли реализовать себя, помогая новой власти.

Миграционные процессы не ослабевали и в 1920-е гг., являясь следствием острейшего дефицита квалифицированных кадров, которых катастрофически не хватало в Центральной Азии.

Последующее десятилетие печально известно репрессивными акциями массового характера, сопровождавшимися высылкой кулаков (куркулей), составлявших основу крестьянства, и «врагов народа», в первую очередь тех, кто чересчур всерьез воспринял декларировавшиеся советской властью установки на развитие национальной государственности и культуры.

В 1940-е гг. Казахстан принимал эвакуированное население, а после завершения войны, в конце 1940-х – начале 1950-х, – очередные партии депортированных и репрессированных, в том числе участников Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). В 1947 г. в Казахстан была сослана 3161 семья в составе 8199 человек оуновцев, которых разместили преимущественно в северных областях республики. Например, в Карагандинской обл. разместили 991 семью оуновцев^{3*}. Известно, что в Кокчетавскую обл. в августе 1951 г. прибыло 30 оуновцев^{4*}.

В середине 1950-х гг. началась целинная эпопея.

Вот очень беглый обзор событий, способствовавших формированию полиэтнического состава населения Республики Казахстан и, в частности, украинской диаспоры.

Украинцы являлись полноправными гражданами СССР, а Украина – союзной республикой. Изучение истории украинцев Казахстана правомерно в рамках истории Украинской ССР

– Казахской ССР. Тема эта в целом исследована, однако есть и малоизученные сюжеты. К ним относится процесс украинизации, проводимой как часть коренизации государственного аппарата, которая являлась одним из элементов национальной политики Советского государства. Коренизация предполагала приближение аппарата к массам населения и вовлечение лиц конкретной национальности в советское строительство путем назначения в него представителей национальности, преобладающей в данной административно-территориальной единице и перевода делопроизводства на язык этого этноса.

Первые итоги кампании по коренизации Казахский краевой комитет подвел 6 октября 1926 г. и затем обращался к этому вопросу многократно.^{5*} На волне этой кампании летом 1930 г. ЦК КП (б) Украины для оказания «культурной помощи Украины Казахстану» направил В. Горба, введенного в состав коллегии Наркомата просвещения КАССР. Началась работа по созданию школ с преподаванием на украинском языке, изданию украинских газет, переводу делопроизводства на украинский язык в районах, где преобладало украинское население. Но в декабре 1932 г. В. Горб был отозван в ЦК ВКП (б). Работа по украинизации сошла на нет.^{6*}

Как считает В. И. Сергейчук, поводом для остановки процесса украинизации явилось не выполнение украинскими крестьянами непосильных государственных заданий по хлебозаготовкам в 1932 г.^{7*} Разумеется даже вовремя и полностью сданный хлеб не изменил бы ситуацию, так как «вождю всех народов» претила сама мысль о национальной независимости и национальном самовыражении.^{8*}

Другой сюжет, требующий внимания исследователей – «дело украинских националистов» в Казахстане. Как хорошо известно, борьбу с национализмом И. В. Сталин последовательно вел с начала 1920-х гг.^{9*} Волны этой борьбы многократно прокатывались по Казахстану: в сентябре – октябре 1930 г. началась вторая после 1928–1929 гг. крупная репрессивная акция.^{10*} Главный удар был нанесен по «казахским националистам», а чуть позже в Казахстане

начали дело «украинских националистов». По нему прошли и те, кто по аналогичному делу были в 1930 г. высланы в республику, и те, кто давно проживал в ней, и стремился к общению с недавно прибывшими из Украины соплеменниками.^{11*}

Очевидно, что противоречивая национальная политика советского государства сначала всколыхнула, подняла интерес этнических украинцев к своему родному языку и культуре, а затем оглушила и заморозила этот интерес на долгие годы. При внимательном прочтении документов данного сборника не сложно обнаружить, как отразилась такая политика на семьях казахстанских украинцев. В семье Долгенко, потомков переселенцев XIX в., живших в полиэтнической среде, среднее поколение и подростки 1930-х гг. языком предков уже не пользовались. В семье репрессированного Дымнича, которая выехала из Украины в 1930 г., родной язык сознательно избегали даже на бытовом уровне. Но в семьях украинцев, покинувших историческую Родину в 1950-х гг., язык сохранялся (А. Ковшарь, Л. Туреханова).

Украинцы в Казахстане – тема не новая. В 1998 г. в г. Алма-Ате вышла брошюра А. Ф. Макаренко «Украинцы», в 2000 г. в г. Киеве – В. А. Карпенко «Українці Казахстану», в 2004 г. там же – альбом на украинском и русском языках с аналогичным предыдущему изданию названием.

Эти книги объединяют не только увлеченность авторов темой, но и жанр – публицистический. Они рассказывают об украинцах, судьбы которых связаны с Казахстаном.

Отдел архивов и документации Карагандинской обл. совместно с государственным архивом издали в 2007 г. брошюру «Украинцы в Центральном Казахстане» (по материалам архивных учреждений Карагандинской обл.). В издание вошли 47 документов из архивных фондов, 14 биографических справок, 20 статей из СМИ и ряд фотографий.

Предлагаемый читателю сборник отличается от изданных ранее книг. Во-первых, это документальное издание: собрание воспоминаний, сопровождаемых отдельными автобиографиями. Иными

словами, авторы сборника читателям рассказывают о себе сами. Во-вторых, хронологические рамки издания очень раздвинуты: первый опубликованный документ датирован 1917 г., автор его Б. П. Тризна родился во второй половине XIX в. и рассказывает о событиях этого периода. Последний публикуемый текст написан весной 2008 г. Его автор, П. И. Крепак, продолжает активно трудиться на благо Республики Казахстан, помогая в деле обучения будущей управленческой элиты. В-третьих, события в публикуемых текстах, разворачиваются как на территории Украины, так и на территории Казахстана, являясь, таким образом, источником базой для исследователей истории двух стран. В-четвертых, в сборнике опубликованы архивные документы, тексты которых хранятся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Архиве Президента Республики Казахстан, Архиве Комитета по правовой статистике и специальным учетам генеральной Прокуратуры Республики Казахстан, в личных архивах граждан (в таких случаях в легенде место хранения не оговаривалось). Из 16 впервые публикуется 12 текстов. Из 42 фотографий – 39. Большая часть последних публикуется по позитивам. При подготовке сборника составители не преследовали цель отразить все значимые в российском и советском обществе процессы, делая упор на повседневность, бытовую сторону жизни. Тем не менее, по документам сборника в той или иной степени прослеживаются отзвуки грандиозных событий. В нем представлены воспоминания и о жизни людей массовых профессий (крестьянства – А. Долгенко, рабочих – Б. Макаренко, П. Крепак, учителей – И. Мариковский, Н. Мишуровская, врачей, аптекарей – М. Грибанов, Л. Туреханова), представителей культуры (Б. Байкадамова, Д.-Б. Каралдина), науки (А. Ковшарь), а также тех, кто были связаны с революционным движением (Б. Тризна, И. Караташ, Ф. Калюта), оказались жертвами репрессий (Н. Найбургер, М. Даниленко, Е. Михненко), пережили оккупацию, эвакуацию, воевали в Отечественную, осваивали целину (Л. Туреханова, А. Ковшарь, Б. Макаренко, М. Грибанов, П. Крепак). Благодатный жанр мемуаристики позволил составите-

лям предоставить читателю сведения об узловых моментах жизни украинцев – казахов XIX–XXI вв. на пространстве бывшего СССР.

Каждый документ сопровождается составительским предисловием, в котором сообщаются дополнительные сведения об авторе, тексте источника. Архаичные, малоиспользуемые термины, факты не известные широкому кругу читателей, прокомментированы в примечаниях. Имеется именной указатель. Сведения о Б. П. Тризне выявлялись в Южно-Казахстанском областном государственном архиве начальником отдела А. К. Исатаевой, фотографии Г. В. Нечитайло – сотрудницей ЦГА г. Алматы Л. К. Рахиповой в его личном фонде. В наборе текстов помогала А. Т. Сулейменова, эксперт АП РК. В поиске литературы для примечаний – Н. Т. Исаева главный эксперт АП РК. Составительский коллектив благодарит Т. А. Чернегу, редактора газеты «Українски новини», В. П. Лымаренко и А. К. Найбургера, представителей украинского культурного центра г. Алматы, коллектив ЦГА КФДЗ РК, гражданина Украины В. В. Самборского за помощь в подготовке сборника.

*Е. М. Грибанова,
кандидат исторических наук*

-
- 1* Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана, 2007. С.27.
2* История Казахстана: народы и культуры. Учеб. пособие / Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С.192–218.
3* Архив Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Оп.1. Д.120. Л.18. Украинцы в Центральном Казахстане (по материалам архивных учреждений Карагандинской обл.). Караганда, 2007. С.60.
4* АП РК. Ф.708. Оп.16/2. Д.54. Л.155.
5* Там же. Ф.141. Оп.14. Д.421. Л.709. Д.427. Л.177. Оп.1. Д.5149. Л.298. Д.5153а. Л.44. Д.5158а. Л.125.
6* Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.1. 1921–1927. Алма-Ата: Казахстан, 1981. С.384, 386, 387.
7* В. І. Сергійчук. «Українізація» Росії. Київ: Українська видавнича спілка, 2000. С.233–266.
8* Сталин И. В. Соч. Т.5. М., 1954. С.88–100.
9* О так называемом национал-уклонизме // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С.76.
10* Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1920 – июль 1938 гг. Алматы: Елшежіре, 2007. Т.3. Кн. 1, 2.
11* Тема репрессий украинцев в Казахстане затронута в статьях Е. Сидоровой (Этническая миграция с Украины // Мысль. 1999. № 7. С.84–86), Е. Грибановой (Во главе архивного строительства Казахстана (1919–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2004. № 4. С.13–25.

№ 1

«...ВСЕГДА И ВСЮДУ СТРЕМИТЬСЯ К РАЗРЕШЕНИЮ ВЕЛИКОЙ ЗАДАЧИ ВОПЛОЩЕНИЯ ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ...»

Борис Петрович Тризна (1867–1937), один из многочисленных потомков архимандрита Иосифа Тризны, возглавлявшего Киево-Печерскую лавру в 1647–1656 гг.,^{1x} оставил глубокий след в истории Казахстана как организатор первого в Средней Азии Аксу-Джабаглинского природного заповедника. Авторы книги, рассказывающей об этой уникальной природной зоне, цитируют письмо Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), рекомендовавшего Б. П. Тризну Сыр-Дарьинскому губисполкому на должность директора заповедника: «Безупречность Б. П. Тризны, проживавшего в Туркестане несколько десятков лет, всем известна, и отношение к нему местного коренного населения не оставляет желать лучшего. При вручении дела охраны и общего наблюдения за заповедником Б. П. Тризне Комитет будет уверен, что это дело находится в надежных руках и избавит как Комитет, так и губисполком от ряда недоразумений и эксцессов между охраной и населением».^{2x}

Эта характеристика не случайна. Борис Петрович долгое время являлся Туркестанским участковым приставом, а затем помощником начальника Черняевского у. Власть имел немалую, т. к. в обязанности пристава входили полицейские функции. Пристав осуществлял надзор за кочевым населением, за сбором податей и повинностей с казахов и узбеков, по земельно-водным спорам, за работой по строительству и ремонту казенных зданий, за арестованными, за выдачей паспортов. Участковый

^{1x} С. Кагамлик. Киево-Печерська лавра світ православної духовності і культури (XVII–XVIII ст.). Київ, 2005.

^{2x} А. Ф. Ковшарь, А. А. Иващенко. Первый в республике. Алма-Ата, 1982.

пристав имел право налагать различные взыскания на коренное население, в т. ч. арест, заведовал городским хозяйством.

Обязанности Бориса Петровича давали ему прекрасные возможности для изучения быта и менталитета коренного населения, а также природы края. Будучи истинным представителем российской интеллигенции, резко отличался от большинства своих коллег-чиновников царской администрации, откровенно презиравшей и эксплуатировавшей население края. К сожалению, проследить деятельность Тризны по документам составителям удалось лишь фрагментарно. Но и эти эпизоды подтверждают приведенную характеристику Бориса Петровича. Хорошо известен факт реакции казахов на Указ Николая II от 25 июня 1916 г., по которому мужское инородное население привлекалось к оборонительным работам, приведший к выступлениям народных масс против царской администрации. Как зафиксировано в документах того периода, приставы с помощью военной силы пытались прекратить волнение, но не достигли цели. «Нечто подобное было в начале августа в Черняевском у., и подполковник Тризна выехал к возбужденным киргизам один с переводчиком; киргизы, встретившие его вначале не совсем дружелюбно, остались очень довольны его объяснениями и дали слово прекратить все разговоры среди них, с тех пор там действительно спокойно».^{1x}

Показательно благодарственное письмо русских крестьян в адрес Б. П. Тризны в связи с его переводом на другую должность и подписанное 35 селянами:

«Позвольте же, глубокоуважаемый Борис Петрович, выразить Вам от нас и от лица всех жителей с. Никольского чувствительную признательность за гуманное и отеческое отношение, проявленное Вами к жителям нашего селения, которое заставляло нас забывать часто пристава, а видеть только прекрасного, доброго и разумного руководителя-отца;

^{1x} Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. Т.1. Алматы: Қазақстан, 1998. С.69.

искреннее сожаление о разлуке с Вами и глубокую уверенность, что и на новом месте служения Вы, Вашими служебными и человеческими достоинствами завоеуете ту же безграничную признательность и любовь, которую Вы поселили в наших простых, но признательных сердцах».^{1x}

Публикуемая автобиография отложилась в личном фонде Б. П. Тризы, представленном одним делом и находящимся на хранении в ЦГА РК. На его обложке надпись: «Опись документов составил уполномоченный ЭКО ППОГПУ в Средней Азии Володин 21 ноября 1924 г. в г. Чимкенте». Интерес данного органа к личности Тризы является, вероятно, следствием родственных и дружеских связей (Б. П. Триза был женат на сестре О. А. Шкапского, комиссара Временного правительства в Семиречье, решительно боровшегося с большевизмом; дружил с М. Тынышпаевым, который как представитель национального движения был в зоне внимания органов уже с 1919 г.), принадлежностью к царской администрации, деятельностью в качестве комиссара Временного правительства Сыр-Дарьинской обл.»^{2x}

Назначение на должность комиссара было сделано Туркестанским комитетом 19 апреля 1917 г., а 7 мая 1917 г. Ташкентский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов в своей резолюции предлагал отозвать Б. П. Тризу с этой должности. Этот документ – примета эпохи. Вновь созданные органы власти начали борьбу за ее полноту и безраздельность. Резолюция заканчивалась словами: «Авторитетность решений Временного правительства не оспаривается ни одной организацией».^{3x} *Исполком был недоволен не личностью комиссара, а тем, что Триза в недавнем прошлом представитель царской администрации. Сам Б. П. Триза воспринял ситуацию очень болезненно, особенно его задела публикация в газете, где о нем говорилось, как о «слуге старого режима».*

^{1x} ЦГА РК. Ф.380. Оп.1. Д.1. Л.216–216 об.

^{2x} ЮКО ГА. Ф.1129. Оп.1. Д.6. Л.1.

^{3x} Там же. Л.18.

Обращаясь к председателю Туркестанского комитета Временного правительства Борис Петрович пишет: «Но не могу не сказать, что то недоверие к искренности моих демократических взглядов, которое сказалось в упомянутом постановлении наших демократических организаций, лишает меня необходимой для работы нравственной атмосферы. Кроме того, скажу откровенно: при создавшихся условиях всякие мои практические начинания, несомненно, не встретят со стороны рабочих и солдатских организаций той деловой, чисто практической поддержки, на которую я так рассчитывал».^{1x} Вероятно в этот период Бориса Петровича раздирали противоречивые чувства: желание быть полезным Отчизне и возможная необходимость отказа от деятельности областного комиссара. Под их влиянием и был написан публикуемый документ. Неизвестно, кому он был адресован и дошел ли до адресата. Борис Петрович, обозначая свое авторство, представил себя как инструктор военно-народной охраны Семиреченской железной дороги. В июне 1918 г. он – краевой комиссар военной народной охраны Туркестанских путей сообщения, с 15 августа 1922 г. – начальник по охране зарослей дармина при Чимкентском сантонинном заводе, а с 24 октября 1924 г. – помощник директора того же завода по охране зарослей дармина. В этот же период начинается его работа в Туркомстарисе и Обществе изучения Киргизского края. Б. П. Трizona в этом качестве внес немалый вклад в дело охраны и восстановления мавзолея Ахмеда Яссави. С 1925 г. по 1936 г. он – директор Аксу-Джабаглинского заповедника.

^{1x} ЦГА РК. Ф.380. Оп.1. Д.1. Л.342.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ-ИСПОВЕДЬ

[г. Туркестан]

Между 7 мая и июнем 1917 г.

Я родился в 1867 г. в г. Киеве. В 1880-х гг. после разгрома «Народной воли»¹ Герман Лопатин² с единомышленниками задумали возродить партию народовольцев, нынешних социал-революционеров, и завязали отношения с разными частями армии для пропаганды в войсках. Но с 1884 г. начались многочисленные аресты революционеров во всех городах России. В связи с известным Лопатинским процессом (28 мая 1887 г. в г. Петербурге)³ весной 1887 г. по окончании курса в Константиновском военном училище, когда началась моя сознательная жизнь, по царскому приказу я был сослан в солдаты в г. Ташкент в 3-й Туркестанский стрелковый батальон, где 5 лет тянул ляжку нижнего чина по тогдашней терминологии. Тем не менее, это пребывание в солдатской среде оставило во мне самые лучшие и дорогие воспоминания. Это, смело скажу, одна из лучших полос моей жизни. Дорогая для меня и доныне семья простых солдат сослуживцев, вопреки обычному взгляду, все время поддерживала во мне юношеский, но [вполне] сознательный идеализм, а суровая действительность не успела еще раскрыть перед моими глазами всех своих ужасов, всей своей грязи и человеконенавистничества. Я могу сказать, что с 1886 г. я живу сознательной жизнью во имя тех великих заветов, которые оставили мои бессмертные учителя, лучшие чистейшие русские социалисты Герцен⁴, Чернышевский⁵, Лавров⁶, Михайловский⁷. Эти заветы, ставшие для меня моей святыней еще со дня первой молодости, я в дальнейшей своей жизни дополнял, развивал, углублял, претворял по мере сил и разумения в жизнь. Я колебался среди житейских противоречий, я не умел, вероятно, иногда сделать всего того, что надлежало бы сделать, но я со спокойной совестью могу сказать,

что нигде, никогда я не изменял святым убеждениям и тому, в чем вижу и видел великий смысл жизни.

В 1890 г. 11 августа в своем солдатском дневнике я дал «Аннибалову клятву»⁸ сво[...]^{1x} в служении родному народу в меру отпущенных мне природой сил: всегда и всюду стремиться к разрешению великой задачи воплощения правды и справедливости в человеческих отношениях. Я твердо верю, что нерушимо донесу эту клятву до гробовой доски.

В 1892 г. я был проведен в офицеры в 8-й линейный батальон в Ката Курган и прослужил в строю около пятнадцати лет. За это время я заведовал учебной командой, командовал ротой и имею навеки драгоценный для меня подарок от своих подчиненных: друзей-солдат.

Но Туркестан, где не было никакой жандармерии, где есть политические традиции, резко отличался от духа деспотической внутренней России, где мы с приятелем моим, тоже ссыльным, могли, правда, анонимно, составлять для губернатора Гродекова реферат об учении Карла Маркса.⁹ Туркестан, ставший поэтому для меня второй родиной в лице своих народностей. Я стал стремиться, для непосредственного ознакомления с народным бытом окраины, попасть в администрацию. Но именно для меня это было очень трудно. В свое время военный министр не пустил меня в академию, теперь в течение ряда лет меня, как красного, не принимали даже в Туркестанскую администрацию. Наконец, благодаря завязавшемуся знакомству и рекомендации такого влиятельного человека, как покойный честный идеалист помощник губернатора П. И. Хомутов, тоже когда-то высланный на окраину из столицы, я получил место по администрации.

С 1907 г. по 1917 г. включительно среди бесчисленных подводных камней, вечно подозреваемый в крамоле, неисполнении законов и приказов начальства и потому из 10 лет службы 7 лет, находившийся то под судами, то под следствием, обви-

^{1x} Текст не читается.

няемый то в покровительстве евреям, мусульманам, опальным рабочим, то в критике действий правительства и в стремлении создать в Туркестане Республику – я в меру своего разума, делал по совести и во имя своих убеждений для окружающего меня населения все, что умел и считал справедливым, разумным и необходимым народу. Это моя полоса жизни на глазах у всего населения – русского и туземного Ташкентского и Чимкентского уездов.

В 1917 г., после первой революции делегаты от населения, с одной стороны Самаркандской обл. и Сыр-Дарьинской – с другой, пожелали видеть меня своим Комиссаром, и с согласия Ташкентского исполнительного комитета в апреле я был призван на должность областного комиссара Сыр-Дарьинской обл.

Я переутомился и невероятно устал нравственно, но не разочаровался в идеалах своей юности и я верю, что увижу еще Россию вполне свободной, справедливой и счастливой.

ЦГА РК. Ф.380. Оп.1. Д.1. Л.1–3. Автограф.

№ 2
«Я ...ЗАУРЯДНЫЙ УЧИТЕЛЬ...»

Мемуары сельского учителя Иустина Евменьевича Мариковского (1873–1946) были написаны им в середине 1940-х г. незадолго до смерти. В качестве эпиграфа к своему труду он взял две цитаты из произведения А. И. Герцена «Былое и думы» о том, что всякая жизнь интересна. Развивая эту мысль, И. Мариковский писал: «Я, именно, не великий человек, не знаменитость, а, напротив того, заурядный учитель, проработавший значительную часть своей учительской жизни в самых низовых категориях учительства. Но моя почти полувековая работа в разных краях нашего Отечества дает мне некоторую уверенность на занимательность этих воспоминаний».

Автор в 1905 г. покинул родину и, как многие его соотечественники, выходцы с Украины, переехал на Дальний Восток. Работал какое-то время в товарной конторе, затем сдал экзамен на звание народного учителя и продолжал учительствовать до 1933 г. К этому времени он стал терять слух, вынужден был перейти работать в Бюро краеведения. В этом же году по семейным обстоятельствам перебрался в Узбекистан, где затем продолжил работу школьного учителя. 23 декабря 1939 г. Президиум Верховного Совета УзССР присвоил ему звание заслуженного учителя Узбекистана. В 1941 г. И. Е. Мариковский вышел на пенсию.

Текст рукописи свидетельствует о том, что ее автор – прекрасный стилист. Повествование неспешное, выдержано в духе литературных традиций XX в., насыщено фактами по самым разным сюжетам: быт, взаимоотношения в учительской среде, взаимоотношения учителя и сельчан, учителя и школьных инспекторов, досуг учителей, внешкольная работа (многодневные поездки на природу, работа на пришкольном участке, метеорологической станции). В рукописи отражены и обще-

ственно-политические события: революция 1917 г. и оккупация японцами Дальнего Востока, политические репрессии. Но взгляд автора не заторможен никакими идеологическими штампами, это видение событий обычным российским гражданином.

Рукопись была сохранена сыном Иустина Евменьевича, Павлом (1912–2008), человеком широко известным в Казахстане, доктором биологических наук, профессором, писателем-энтомологом, автором многочисленных изданий о природе Казахстана, последние годы увлекавшегося изучением наскальных рисунков древних людей, живших некогда в Семиречье. Павел Иустинович перепечатал текст воспоминаний на машинке, внося незначительные редакторские правки. К сожалению, после этого он уничтожил автограф. Под впечатлением работы отца Павел сам написал автобиографическую книгу, действие в которой разворачивается на Дальнем Востоке, Сибири, в Маньчжурии, Узбекистане, Казахстане между 1915–2002 гг. Обе рукописи не опубликованы, хранятся в Архиве Президента Республики Казахстан. Публикуется первая глава рукописи И. Е. Мариковского, рассказывающая о его родном селе в Каменец-Подольской губ., о детских годах, о первых шагах на учительской стезе. Заголовок главы авторский.

Иустин Мариковский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«Мои родители. Детство. Учитель школы грамоты.

Первый экзамен.

Церковно-приходская школа.

Село Берёзки-Бершадское»

Родился я в 1873 г. в семье безземельного крестьянина с. Сумовки Бершадской вол. Каменец-Подольской губ. Точнее

говоря, отец только жил в этом селе, равно как и его отец и дед, но считался приписанным не к обществу села, а к волости. Такое положение объяснялось историческими причинами. Когда-то наши предки были потомками чиншевиков, то есть людей свободных, не крепостных, земледельцев, работавших на арендуемой у помещика земле, за которую вносили плату – чинш. При выходе крестьян на волю крепостные получали землю, чиншевики же на это права не имели и земли не получили. Кроме того, с той поры помещики перестали сдавать землю в аренду. И чиншевики, таким образом, остались не только безземельными, а оказались, кроме того, и вне общества своего села.

В наших местах, где единственным средством существования являлось только земледелие, отсутствие земельных наделов низвело несчастных чиншевиков на положение париев. Им пришлось заняться ремеслами: сапожничать, портняжить, прядением холстов, поденной работой у зажиточных крестьян и т. п. Надо принять во внимание, что в нашей местности количество надельной земли давало соответствующий вес ее владельцу. Не имеющий ее, будь семи пядей во лбу, никаким значением не пользовался, и никто с ним ни в чем не считался. Еще даже в мое время местное коренное население – украинцы – этих чиншевиков именовали «шляхтичами», хотя все они без исключения были православными, говорили на том же украинском языке, ни одеждой, ни всем своим бытом от остальных украинцев не отличались. Пожалуй, относительно вероисповедания старики «шляхтичи» сообщали, что во времена владычества над Украиной Польши ксендзы силой принуждали вступать в унию, которая служила переходом в католичество. Когда же Край был присоединен к России, то православные попы палками загоняли униатов¹⁰ в православие¹¹.

Не лишнее, полагаю, сказать несколько слов и о родном селе. Наименование его «Сумовка» произошло, по мнению

некоторых стариков, от украинского слова «сумовать», то есть горевать, печалиться. Ведь село в прошлом стояло почти на границе с Турцией. Еще во времена Екатерины II¹² г. Балта, отстоящий от нас в верстах 40, был турецким. Татары и турки часто делали набеги на Украину, переправляясь вброд через р. Буг у с. Сумовки. Во время таких набегов село сжигали, людей убивали или брали в плен. Село сумовало; оттого и называли его Сумовкой. Хотя существовало и другое объяснение названия села. Многие говорят, что правильнее его называть Сомовкой, так как в р. Буг, протекающей у самого села, водились громадные сомы, которые даже нападали на купавшихся или переходящих реку в брод. Теперь, конечно, таких сомов нет, но если вспомнить, что в Крыму в давние времена сомы утаскивали воинов Митридата¹³, то этому можно поверить. Как бы то ни было, но места эти служили в свое время ареной многих кровопролитий. Я сам неоднократно находил в нашем огороде железные наконечники стрел и копий. Среди населения существует много сказаний о случаях нападения татар, турок, стычек запорожцев с поляками, украинцев с молдаванами (последних в сказаниях называют волохами).

Мои родители были православные. Первоначальное занятие отца было столярничество. Это я знаю по некоторым смутным детским воспоминаниям, из рассказов своих старших братьев и, судя по тому количеству разнообразных столярных инструментов, которые хранились у отца. Когда он стал церковно-приходским учителем, я не знаю, но помню, что с самых ранних лет он уже учительствовал в своем родном с. Сумовка, получал 10 руб. в месяц от сельского общества за учительство и 5 руб. от церкви за устройство хора. Хор же он наладил такой, что он прославился на всю окрестность. Его неоднократно приглашали в другие села на торжества освящения церквей, на богослужения в храмовые дни, а также на всякие торжественные случаи у местной интеллигенции: свадьбы, похороны

и т. п. Песнопения он выбирал подходящие к соответствующей обстановке, предпочитая Бортнянского¹⁴, Турчанинова¹⁵, Львова¹⁶ и других классиков церковного пения. Несколько раз архиереи, посещающие нашу церковь при обычных своих ревизиях, прослушав хор, предлагали отцу поступить в дьяконы, но он всякий раз отклонял предложения.

Отец был удивительно способный и талантливый человек. Решительно не знаю, какими судьбами он научился грамоте в то время, когда не было нигде поблизости школы. В его времена в селе грамотными были только поп и дьячок. Самоучкой отец изучил починку часов, переплет книг, настройку фортепиано. Также самоучкой он так научился немецкому языку, что не только читал немецкие книги, но свободно объяснялся с немцами-мастерами, воздвигавшими нашему помещику-магнату Собанскому дворец. Латинский и греческий языки он знал настолько хорошо, что по этим предметам готовил поповичей в духовное училище. Тяготение к иностранным языкам у него дошло до того, что он выписал из г. Лейпцига библию¹⁷ на еврейском языке. Помню эту библию по ее дивному кожаному переплету с тиснениями. Библия, положим, была с русским переводом. Так как в нашем селе синагоги не было, то иногда в субботу у нас можно было видеть местных старых евреев в их талесах¹⁸ и при всей молельной амуниции. Курьезно было наблюдать отца, штудировавшего вместе с седобородыми евреями-стариками библию.

Пока мы были малышами, бедность наша была большая, часто приходилось сидеть дома без куска хлеба. По мере же того, как мы стали подрастать и могли уже работать по земледелию, положение стало улучшаться. Особенно это стало заметно с возрастом третьего, четвертого и пятого мальчуганов. Два первых как-то скоро ушли из дома, а шестой на первых порах пользовался привилегиями в сельскохозяйственных работах, а потом тоже скоро ушел из дома на канцелярскую